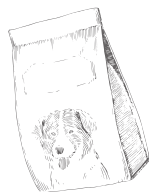
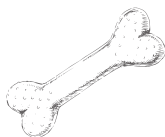

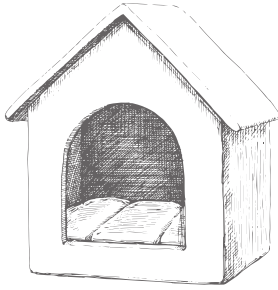

Содержание

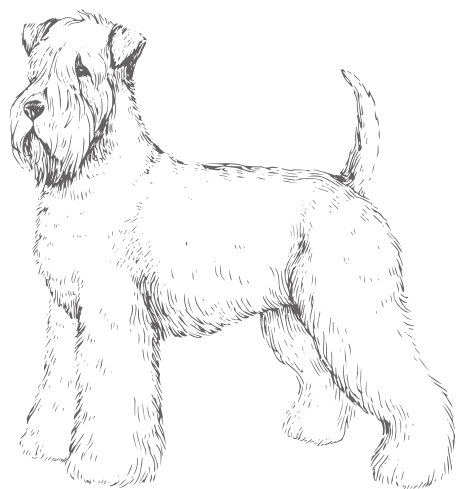
Один	9	Двенадцать.....	87
Два.....	14	Тринадцать	97
Три.....	20	Четырнадцать	103
Четыре.....	26	Пятнадцать.....	109
Пять.....	33	Шестнадцать.....	114
Шесть	40	Семнадцать	124
Семь	53	Восемнадцать.....	126
Восемь	63	Девятнадцать	134
Девять	67	Двадцать	139
Десять	73	Двадцать один.....	147
Одиннадцать	78	Двадцать два	157

Двадцать три	169	Тридцать четыре	239
Двадцать четыре	179	Тридцать пять.....	246
Двадцать пять	182	Тридцать шесть	252
Двадцать шесть.....	185	Тридцать семь	261
Двадцать семь	194	Тридцать восемь.....	268
Двадцать восемь	203	Тридцать девять	273
Двадцать девять.....	207	Сорок.....	281
Тридцать	216	Сорок один.....	293
Тридцать один	220	Сорок два	303
Тридцать два.....	230	Благодарности	313
Тридцать три	235	Об авторе.....	315

Посвящается Энди

Один

Открыв тяжелую деревянную входную дверь, я увидела на пороге сотрудника службы доставки; он был без форменной куртки, и посылки у него в руках тоже не было.

— Извините, мэ. Я только что сбил вашу собаку, — произнес он, едва дверь распахнулась.

Я как раз вернулась домой и позволила нашей девочке, ирландскому пшеничному терьеру Мэтти, выскочить через заднюю дверь. Я даже не успела снять куртку, когда раздался звонок, и не слышала шума автомобиля на нашей подъездной дорожке.

— Так, но с ней же все в порядке? — спросила я.

После такого сообщения я могла лишь надеяться на лучшее, что для меня вовсе не характерно. Я и в мыслях не допускала, что дело может обстоять как-то иначе.

— Я сбил ее насмерть. Она лежит возле грузовика, я завернул ее в свою куртку.

Он произнес это таким тоном, будто сообщал мне адрес своей последней доставки.

Я стояла, уставившись на курьера — мужчину без форменной куртки и посылки. Пыталась ухватиться за спокойствие, с которым он говорил. Но его слова пронзили меня, словно острый нож. Словно алая кровь хлынула из раны. Мои ноги подкосились, и я ничком повалилась на пол.

— Нет! — кричала я, уткнувшись лицом в ковер и колотя по полу руками и ногами. — Нет, нет, нет! — повторяла я, чувствуя, как пропитанный слезами шерстяной ковер царапает мне щеки.

— Извините, мэм, — услышала я голос курьера. Он зашел в дом и встал рядом со мной. — Я бы хотел остаться с вами, но мне нужно вернуться к своей машине и ждать полицию рядом с собакой.

Полиция? Какая полиция, зачем? Почему этому курьеру нужно вернуться к машине? Я попыталась представить Мэтти, сбитую грузовиком, но перед глазами все расплывалось. Даже эта размытая картина была для меня невыносимой. Я не могла заставить себя встать и пойти за этим мужчиной по подъездной дорожке к Мэтти, хотя и понимала, что это было бы правильно. Что я должна быть с ней, а не бросать ее на попечение незнакомца из службы доставки, который ее убил. Но сейчас это было выше моих сил — видеть, как моя собака, которую я так любила, которая всего пять минут назад прыгала от радости, встречая меня, лежит окровавленная и изувеченная. Видеть, что она мертва. Я физически не могла заставить себя подняться. Не могла видеть мою собаку мертвой.

Я подняла мокрое от слез лицо и взглянула на курьера.

— Ничего страшного, идите, — проговорила я. — Со мной все будет в порядке.

В порядке? Я правда сказала это человеку, который сбил мою собаку? Мой рот произнес «в порядке», но в голове звучало совсем другое: да какая разница, что вы там собираетесь делать? Разве теперь что-нибудь имеет значение? Вы убили не только мою собаку, но и меня вместе с ней. После того что произошло с моей милой, беззащитной Мэтти, жить я больше не хочу.

Мы смотрели друг на друга. Я — лежа на полу и задрав голову, он — стоя в паре дюймов от моего лица и глядя вниз с высоты своего роста. А потом он сделал шаг назад и двинулся обратно к входной двери.

— Ладно, — сказал он, все еще глядя на меня. — Если понадобится, вы знаете, где меня найти.

Он толкнул дверь и вышел на улицу.

Скрестив под грудью руки со сжатыми кулаками, я уронила голову на влажный ковер. Даже обычный день, когда внешне все благополучно, дается мне с трудом. У меня клиническая депрессия. Как же я смогу пережить бессмысленную, ужасную гибель Мэтти?

Образы в моей голове стремительно сменяли друг друга. Мэтти, выбегающая через заднюю дверь за несколько минут до случившегося. Мэтти, лежащая неподвижно под колесами курьерского грузовика. Мэтти, свернувшаяся калачиком рядом со мной в моей кровати. Эти картинки сменялись все быстрее и быстрее, пока у меня не потемнело в глазах.

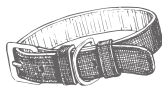
Я будто застыла во времени и пространстве. А мой разум лихорадочно метался, то перематывая на скорости те семь лет, что Мэтти была нашей любимицей, то возвращаясь в бескрайнюю ледяную пустоту.

Когда курьер ушел к своей машине дожидаться полицейских, мне наконец-то удалось собраться с силами — я поднялась с пола и отправилась на кухню. Первым, что я увидела, войдя туда, были металлические миски Мэтти. Миска для воды оказалась почти полной. Я подняла ее с пола и, выливая воду в раковину, не удержалась от стога. Затем я взяла миску для еды и, повинаясь какой-то абсурдной логике, вложила ее в пустую миску, где прежде была вода.

Меня ничто не останавливало. Сделав несколько шагов, я подняла наполовину изгрызенного плюшевого единорога — единственную игрушку, которая приехала с Мэтти, когда мы привезли ее от заводчика. И вот я уже ношусь по всему дому — холл, гостиная, спальни на втором этаже — и соби-

раю разбросанные повсюду игрушки Мэтти. Лишь когда я поняла, что у меня уже не хватает рук, чтобы удержать всех этих потрепанных плюшевых зверей, резиновые фигурки, мячики и пуллеры, я остановилась.

Вид принадлежавших Мэтти вещей причинял мне боль — казалось, она вот-вот ворвется и схватит одну из них. Я сбегала вниз по ступеням, метнулась в гараж и сбросила все, что держала в руках, в ближайший мусорный бак. Раздался негромкий, будничный стук. Мусор вывезли накануне. Словно зачарованная, я смотрела на знакомые игрушки, сваленные на грязное дно.

Вот он, финал жизни Мэтти в нашей семье: смерть под колесами курьерского грузовика и куча наполовину изгрызенных игрушек на дне пустого пластикового бака.

Я вышла из гаража и, спотыкаясь, побрела на кухню, затем в столовую. Там я рухнула на ковер, проползла прямо на животе между стульями и затаилась лицом вниз под обеденным столом.

Прижавшись лбом к коврику, я разрыдалась. Мысли и воспоминания о Мэтти больше не терзали меня, я просто судорожно всхлипывала, сотрясаясь всем телом. К счастью, горе сделало свою работу: мой разум и тело словно погрузились в спасительную кому в безмолвном доме. Я перестала чувствовать что-либо. Даже саму себя.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я услышала, как кто-то прошел через кухню и снял трубку телефона.

— Я понимаю, сэр, — услышала я голос курьера. — Я знаю, что у нас много заказов, но я не могу просто так бросить ее

здесь. Одну я ее не оставлю. Не беспокойтесь. Я развезу все заказы сегодня, обещаю. Буду работать до тех пор, пока не сделаю все, что должен. Я позвоню вам, когда буду выходить отсюда.

До Рождества 2001 года оставалось десять дней. Опасения руководителя службы доставки тронули меня даже в моем подавленном состоянии, но еще сильнее меня тронула неожиданная доброта, с которой ко мне отнесся водитель грузовика, его забота обо мне вопреки требованиям компании, где он работал.

Курьер повесил трубку, и пару мгновений спустя я почувствовала, что он проскользнул ко мне под стол. Я лежала отвернувшись, но знала, что он устроился рядом. Затылком я ощущала его теплое дыхание. Мне не становилось легче от его присутствия. Но при этом я не испытывала ни раздражения, ни неловкости, оттого что этот незнакомец — человек, который убил мою собаку, — пробрался ко мне под стол и улегся рядом. Моя собака мертва. В это невозможно было поверить. И я думала лишь о том, как бы дожить до прихода моего супруга Энди. Он вот-вот должен был вернуться с работы.

— У меня никогда не было собаки, — сказал курьер мне в затылок. — Но есть кошки, поэтому я понимаю, что вы чувствуете.

Его голос звучал спокойно и ласково, а не механически, как в самом начале, когда он сообщил мне о гибели Мэтти. Я не повернулась к нему. Меня била дрожь, мое тело сейчас было невероятно хрупким, как и сознание. Казалось, малейшее движение — и я рассыплюсь прахом.

— Моего кота тоже в том году сбила машина, — произнес он с грустью. — Когда я говорю, что понимаю ваши чувства, это не пустые слова, поверьте.

Я не желала слушать, что там случилось с его котом. Мне было наплевать на его кота. Я вообще не люблю кошек. Я и собак не особенно любила. Просто случайно влюбилась в собаку, когда в очередной раз пыталась быть хорошей матерью.

Два

«Собака» было первым словом моего среднего сына Джозефа. А первым осмысленным предложением, которое от него прозвучало — «Я хочу собаку». Я бы не удивилась, узнав, что, едва придя в этот мир, он уже мечтал о собаке. К несчастью для Джозефа, даже несмотря на то что быть хорошей матерью — моя главная цель в жизни, я категорически возражала против собаки. Меня совершенно не интересовали собаки. Как и тот труд, что ложился на плечи их владельцев.

Моим планом было найти альтернативу собаке, чтобы задобрить Джозефа. Когда ему исполнилось три года, я заказала по почте лягушку — точнее, головастика. И вот несколько недель спустя, промозглым мартовским утром почтальон оставил записку о том, что в отделении нас ожидает посылка. Я пристегнула Джозефа в его автокресле, и мы отправились за посылкой. Я протянула зеленый листочек бумаги, который нам положили в почтовый ящик, мужчине в окошке. Взамен он выдал мне маленькую коробочку с оранжевой наклейкой, на которой значилось: «Внутри головастик. Хранить при комнатной температуре».

— Понимаете, мэм, — пояснил сотрудник почты, — мы не могли оставить коробку в вашем почтовом ящике. Там слишком холодно.

— Ну конечно, — сказала я.

— Можно посмотреть? Можно? — умолял Джозеф, подпрыгивая на месте.

— Хотите, я открою для вас коробку? — предложил почтовый служащий.

— Да, да! — выпалил Джозеф, прежде чем я успела открыть рот. — Я хочу его увидеть.

— Я тоже, — признался служащий, разрезал ленту на коробке и через стойку передал посылку Джозефу, изо всех сил тянувшему руки вверх.

Одной рукой Джозеф прижал коробку к груди, а другой вытащил стаканчик из пенополистирола. Я отодвинула с крышки стаканчика защитную сетку. Вероятно, испугавшись яркого дневного света, головастик выпрыгнул из воды, в которую его погрузили на время путешествия к новому дому.

— Ух ты, взгляни, Джозеф, — сказала я. — Это он прыгает от радости, что познакомился с тобой.

— Замечательный головастик, такой сильный, — заметил почтальон, присутствовавший при распаковке. — Да к тому же везучий, раз он отправится домой вместе с вами.

Джозеф, наряженный в красную вельветовую курточку, так и сиял.

Когда благополучно вернув головастика в пластиковый стаканчик, мы ехали к дому, Джозеф сказал: «А давай назовем его Джей-Джей — в честь Джонни и Джозефа».

— Как трогательно, Джозеф, что ты подумал про своего брата, выбирая лягушонку имя, — ответила я.

Так головастик стал Джей-Джеем, а потом — лягушкой.

Полупрозрачной генетически модифицированной лягушкой. Джей-Джей обитал в акриловом аквариуме, который мы поставили на середину кухонного стола. По мере того как Джей-Джей рос, мы делали его жилище все более просторным — до тех пор, пока владелец зоомагазина не рассказал нам, что эти лягушки растут пропорционально размеру их аквариума.

Друзья Джозефа тоже завели головастиков, которые превратились в генетически модифицированных лягушек и протянули в лучшем случае всего несколько месяцев. Но не таков был Джей-Джей. Прошел год, два, три. Джей-Джей чувствовал себя замечательно. Каждое утро, когда я заходила на кухню и зажигала свет, Джей-Джей вскакивал, словно пробуждаясь от ночного сна. И каждый раз я содрогалась, воображая, как однажды войду в кухню и найду Джей-Джея бездыханным — и тогда вера нашего сына в то, что этот питомец будет с нами вечно, рухнет. Но месяц за месяцем, год за годом Джей-Джей продолжал все так же подпрыгивать по утрам, когда я заходила на кухню.

И все же, хоть Джей-Джей и казался вечным, желание Джозефа завести собаку не ослабевало. Каждый раз, когда он принимался за свое: «Можно мы заведем собаку?», я заманивала его в зоомагазин обещаниями купить более мелкого и неприхотливого зверька. Так в нашем домашнем зверинце появились песчанки, хомяки, рыбки, потом снова рыбки — и снова.

Ближе к концу третьего класса, когда Джозефу было восемь, он спросил, может ли он усыновить пятерых тритонов, которые жили в классе естествознания с начала учебного года. За четыре прожитых мной на земле десятилетия я ни разу не задумывалась о тритонах. Я знала о них толь-

ко одно — что они маленькие. Малюсенькие. Этого знания мне было достаточно, чтобы с легкостью и энтузиазмом дать Джозефу согласие на усыновление тритонов. Не одного, не двух, а целых пяти! Иногда быть хорошей матерью так легко. В последний учебный день Джозеф ждал меня на тротуаре у школы, сияя и прижимая к груди шестидюймовый прямоугольный аквариум.

— Правда они милые, мамочка? — спросил он, едва устроившись на заднем сиденье и пристегнувшись, держа аквариум на коленях.

Я откинулась назад и принялась внимательно изучать стекло. Моим глазам потребовалось некоторое время, чтобы различить на покрытой мхом черной гальке крошечных черно-зеленых существ.

— Джозеф, таких милых насекомых я еще никогда не видела, — ответила я, изображая энтузиазм и одновременно вспоминая специалиста инсектицидной компании, который приходил к нам в дом в начале каждого месяца, чтобы опрыскать помещения от насекомых и грызунов. Тех, которые не в клетках.

— Мамочка, — прервал мои размышления Джозеф. — Тритоны не насекомые, а земноводные.

— Ого, как интересно! — я все еще разглядывала тритонов. — Я и не знала, что тритоны земноводные. Всегда узнаю от тебя что-то новое.

И это правда. Я не переставала удивляться тому, что слышала от своих мальчиков. Так, я ничего не знала о Беовульфе, пока Джонатан недавно не рассказал после занятий, как их учительница смастерила глиняные фигурки, чтобы изобразить сцены из эпической поэмы. О лиственных лесах я узнала, когда Джозеф однажды задумчиво произнес: «Джонни

сказал, не надо грустить о том, что он переходит в среднюю школу, а я остаюсь в начальной. Он сказал, это как в лиственном лесу: деревья сбрасывают листья, чтобы солнечные лучи могли проникать к более низким растениям и деревьям, и что я вырасту и тоже стану высоким деревом».

Сидя в машине с Джозефом и наблюдая, как пять тритонов жмутся друг к другу в углу маленького аквариума, я в очередной раз испытала облегчение оттого, что мне удалось побыть хорошей матерью, что потребность Джозефа заботиться о ком-то удовлетворена и что при этом снова удалось обойтись без ужасающей меня собаки.

— Мамочка, — сказал Джозеф, оторвав взгляд от тритонов впервые с тех пор, как он сел в машину, и поглядев на меня. — Можно, мы заедем в зоомагазин и кое-что купим для тритонов? Мне было так грустно, когда все расходились по домам, а они оставались в кабинете одни. И раз теперь это мои тритоны, я хочу, чтобы в их вселенной все было идеально.

Я смотрела на него, сраженная наповал. Пораженная тем, какой он чуткий и сопереживающий. Тем, что он способен представить одиноких тритонов ночью в пустом классе. И что он хочет придумать и создать для них идеальную вселенную.

— Джозеф, это замечательная идея. Твои тритоны просто счастливики, — сказала я и повернула ключ в замке зажигания. — Решено, едем в зоомагазин.

Пока я вслед за Джозефом бродила вдоль полок зоомагазина, наблюдая, как он бросает в тележку для покупок большие и маленькие камни, всякие штуки для аквариума, пластиковый пруд и какой-то корм, я поймала себя на мысли о том, как же повезло этим тритонам. Как только они поселятся в своей идеальной вселенной, обретут свободу быть